

Катар и Центральная Азия

ЧТО ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ В ТАДЖИКИСТАНЕ, ТУРКМЕНИИ И КАЗАХСТАНЕ?

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 484

Сентябрь 2017 г.

Натали Кох¹

Сиракузский университет

Отношения между государствами Центральной Азии и арабскими монархиями Залива быстро расширялись в последнее десятилетие. Имея одну из самых ориентированных вовне внешнеполитических программ среди стран-членов Совета сотрудничества государств Залива, катарское руководство все более активно поддерживало двухстороннее сотрудничество с Таджикистаном, Туркменией и Казахстаном. Катар открыл свое посольство в Астане в 2008 году вскоре после того, как в 2007 году в Дохе начало работать казахстанское посольство. В Туркмении есть катарское посольство, в то время как в Дохе нет посольства Туркмении. Таджикистан и Катар открыли посольства друг у друга в 2012 году. Установление дипломатических связей является, однако, лишь небольшой частью рассматриваемого сюжета.

Рост такого рода политических и экономических связей между Катаром и Центральной Азией вызывает ряд вопросов. Почему Катар (страна со всего лишь 260000 граждан и 2,6 млн проживающих в ней людей в целом) так заинтересован в развитии двусторонних отношений со странами региона? Каковы ставки для катарских лидеров и их партнеров в Таджикистане, Туркмении и Казахстане? В настоящей аналитической записке показано, что отношения Катара с этими странами являются чрезвычайно динамичными, но, как правило, двухсторонними и основанными на транзакциях по принципу «ты мне – я тебе». Также в данной работе утверждается, что, хотя центрально-азиатские лидеры с восхищением наблюдали за реализацией амбициозной катарской программы международного

¹ [Натали Кох](#) - доцент и стипендиат программы О'Хэнли, факультета географии Школы гражданства и публичной политики им. Максвелла в Сиракузском университете.

сотрудничества, начавшаяся в июне 2017 г. региональная блокада Катара поставила новые вопросы об эффективности их собственной внешней политики на основе использования “мягкой силы”.

Катар и Центральная Азия: обзор отношений

Таджикистан, Туркмения и Казахстан номинально являются мусульманскими странами, и первоначальное их взаимодействие с Катаром после распада Советского Союза в значительной степени развивалось под влиянием нарратива религиозного единства. Однако после этого отношения Катара с каждой из трех стран развивались по существенно различающимся траекториям. В процессе разнопланового взаимодействия безопасность в ее милитаризованном понимании зачастую становится предметом обсуждения, однако она не стоит в центре двусторонних отношений Катара с каким-либо из центрально-азиатских государств. Катарское участие в делах региона скорее вращалось вокруг малозначительной и позитивной повестки. Доха выделяет значительное финансирование на проекты, связанные с гуманитарной помощью, нуждами развития и поддержкой исламской культуры; эти средства в основном расходуются либо внутри страны, либо в соседних государствах. Центральная Азия является получателем некоторых из этих на первый взгляд бескорыстных пожертвований, однако катарцы также имеют и определенные интересы, преследуемые через свое присутствие в регионе. Благодаря своим интернационалистским взглядам, оставляющим открытую дверь для потенциально выгодных форм сотрудничества, катарское руководство готово позволить своим центрально-азиатским партнерам определять повестку и развивать ее в тех случаях, когда они видят возможности для продвижения своих актуальных или потенциальных интересов. В результате, как недавно [выразился](#) один из комментаторов, роль центрально-азиатских лидеров может быть сведена к образу «коммивояжера, отчаянно пытающегося навязать свои товары». Однако при этом руководство Катара, сначала при эмире шейхе Хамаде бин Халифа Аль Тани, а затем при его сыне шейхе Тамиме бин Хамаде Аль Тани, было достаточно осмотрительным, чтобы проводить политику уважительного, хотя и минимального, участия в делах Центральной Азии.

Таджикистан

Помимо значительного количества риторики относительно общих интересов и религиозных ценностей, Таджикистан и Катар объединяет только небольшое количество серьезных проектов. Одним из них является возводимый Qatari Diar (компанией по недвижимости с участием государственного капитала) жилой комплекс класса люкс «Диар Душанбе», тогда как самый крупный проект – почти достроенная монументальная мечеть в Душанбе. Обходящаяся в сумму более 100 миллионов долларов, 70 миллионов из которых финансирует Катар, мечеть должна

стать самой большой в Центральной Азии и принимать до 115000 верующих. Подобно [проектам других монументальных мечетей](#), этот имиджевый проект одновременно предназначен для демонстрации как приверженности таджикистанского руководства исламу, так и контроля государства над религиозной практикой. Конструируя крупный религиозный символ, лидеры легче способны парировать критику относительно своих посягательств на свободу отправления культа путем рекламирования своей якобы чрезвычайной приверженности религии. Разумеется, лицемерность такого рода притязаний не ускользнула от внимания местных верующих, сопоставивших данные притязания с правительственной политикой закрытия мелких мечетей («прямо как советские времена», по словам одного из душанбинских имамов). Пока неясно как происходили переговоры о финансировании, но так или иначе новая душанбинская мечеть очевидно является любимым детищем президента Эмомали Рахмона. Таджикистанский лидер даже отпраздновал свое 59-летие в кабине экскаватора, открыв ее строительство в 2011 году. Со своей стороны, Катар получает выгоду, пропагандируя свой имидж исламского благотворителя и, в то же время, делая Рахмона своим союзником за относительно небольшую цену.

С другой стороны, Катар, по большей части, игнорировал попытки Таджикистана углубить сотрудничество. Во время визита Рахмона в Доху в феврале 2017 г., таджикистанские официальные СМИ [сообщили](#), что президент и его команда представили своим катарским партнерам перечень потенциальных инвестиционных проектов и сфер сотрудничества, начиная с гидроэнергетики и водных ресурсов и заканчивая транспортом, сельским хозяйством, легкой и горнодобывающей промышленностью и научными обменов. Президент также подчеркнул, что четыре таджикистанские зоны свободной торговли открыты для катарского бизнеса, и пролоббировал меморандум о взаимопонимании (МОВ) между Фондовой биржей Катара и учрежденной в апреле 2015 г. в Таджикистане Центрально-азиатской фондовой биржей. Помимо подписания МОВ и полдюжины аналогичных документов, визит Рахмона оказался малорезультативным. Учитывая рискованность инвестиционной среды Таджикистана, такое положение дел, вероятно, пока останется без изменений. Политические и экономические элиты Катара не видят каких-либо непосредственных выгод от инвестиций в Таджикистан, учитывая, что их фонд национального благосостояния – Катарский инвестиционный фонд – уже имеет впечатляющий инвестиционный портфель. Вместе с тем, оказав Рахмону знаки внимания посредством принятия его с государственным визитом и поддержав его проект строительства мечети в Душанбе, Доха оставила открытыми двери для будущего сотрудничества на тот случай, если оно окажется для Катара полезным.

Туркмения

Президент Гурбангулы Бердымухамедов также [нанес визит](#) в Катар в начале 2017 г. и, подобно Рахмону, вернулся домой, имея в своем багаже лишь ряд малозначительных МОВ в сферах финансов, спорта, транспорта, туризма, образования, культуры и гражданской авиации. Также как и Рахмон, президент Туркмении старался рекламировать потенциал своей страны для катарских инвестиций, однако он сделал больший упор на лоббирование нескольких нуждающихся в финансовой поддержке проектов. В частности, во время своего визита в Доху, Бердымухамедов пытался привлечь катарские инвестиции в свой новый многомиллиардный проект международного морского порта Туркменбаши. Данный проект предполагалось завершить с турецкой помощью в 2016 г., однако по предположению наблюдателей что-то, вероятно, пошло не так, если Бердымухамедов теперь обратился за поддержкой к Катару. Как опытные инвесторы, катарские руководители, вероятно, слишком здравомыслящи, чтобы дать вовлечь себя в такого рода проект, однако они выслушивали собеседника спокойно и с готовностью. Помимо этого, президент очевидно признает важность позиционирования Катара и Туркмении в качестве партнеров в сфере газовой промышленности, занимающей господствующее положение в экономике обеих стран, и [выступил](#) за расширение сотрудничества в этом секторе. Его неустанные усилия по лоббированию проекта трубопровода Туркмения-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) не получили, однако, позитивного отклика в Дохе, считающей проект потенциально [угрожающим](#) катарской монополии на газовых рынках в Южной и Юго-Восточной Азии. Наблюдатели предполагают, что Бердымухамедов либо в полной мере не осознает этот нюанс, либо его что действия следует считать просто знаком отчаяния по поводу того, что его страна попала в монопольную зависимость от китайского потребления, усугубившуюся после прекращения Россией импорта газа из Туркмении в начале 2016 г. Во всяком случае, тот факт, что катарский эмир шейх Тамим [посетил](#) объявивший о начале новой фазы строительства трубопровода Туркменистан, демонстрирует, что руководство Катара признает важность сотрудничества с Ашхабадом а, в идеале, и срыва проекта ТАПИ.

Казахстан

Казахстан имеет наиболее длительный и значительный [опыт](#) взаимодействия с Катаром. Одним из первых региональных проектов, финансово поддержанных Катаром, стал Исламский культурный центр «Нур Астана», который был инициирован в 1999 году и открыт в казахстанской столице после завершения строительства в 2005 году. С тех пор, два государства подписали многочисленные МОВ и провозгласили сотрудничество в нефтяном, газовом и горнодобывающем секторах, а также в сферах сельского хозяйства, банковского дела и финансов,

спорта, образования и культуры. В дополнение к проекту «Нур Астана», президенту Назарбаеву также удалось заручиться катарской поддержкой строительства в Астане средней школы (названной в честь шейха Тамима) и реабилитационного центра для жертв ядерных испытаний в Семее, а также природоохранной деятельности в расположенном в Жамбылской области Андасайском заказнике. Последний проект имеет особое значение, поскольку Казахстан является популярным у королевских семей государств Залива направлением для соколиной охоты. Традиционно, элиты государств Залива путешествуют в Пакистан и государства Северной Африки для охоты на [дрофу-красотку](#), - свою излюбленную добычу, которая в мире находится под угрозой исчезновения и уже вымерла на Аравийском полуострове. Из-за ужесточившихся международных ограничений и недовольства общественности в упомянутых странах, получение разрешений становится гораздо более затруднительным, и потому многие представители элит стран Залива теперь предпочитают [путешествовать](#) в Центральную Азию. Значительная часть таких мероприятий по сути нелегальна и не фиксируется документально, однако Казахстан разрешает иностранцам охотиться с соколами на природе при условии, что иностранные граждане продемонстрируют связанные с этим спортом усилия по сохранению биоразнообразия.

С подписанием в феврале 2007 г. соглашения о сотрудничестве по охране дроф-красоток в Казахстане, двери для катарских элитных охотников были открыты. Неясно, посещал ли страну шейх Хамад именно для этой цели, но, так или иначе, она стала одним из любимых мест путешествий шейха Тамима; по крайней мере, до инцидента в сентябре 2016 г., когда двое из [ценных соколов шейха умерли](#) от последствий чрезмерной задержки на таможенном контроле в аэропорту Алматы. Эмир, разумеется, был в ярости: птицы не только были его любимыми животными, но и стоили сотни тысяч долларов. Он сократил планировавшийся визит с двух недель всего до трех дней. Отнюдь не будучи второстепенной по отношению к основным внешнеполитическим делам, соколиная охота является значимым интересом катарских элит. В самом деле, вплоть до недавнего инцидента привлекательность Казахстана для катарской элиты основывалась преимущественно на его роли как места для охоты не только лишь из-за легкости процесса получения разрешений, но также из-за его относительной политической безопасности. Это соображение стало особенно актуальным после того, как 27 катарских охотников и членов королевской семьи были [похищены в Ираке](#) в декабре 2015 года. Усилия правительства по обеспечению их освобождения, которые, как утверждает, привели к [выплате](#) поддерживавшимся Ираном боевикам и исламистским террористическим группам выкупа в размере 1 миллиарда долларов, стали, по мнению некоторых комментаторов, той «соломинкой, которая ломает хребет верблюда», спровоцировав региональную блокаду Катара.

Границы “мягкой силы”? Многовекторность и блокада Катара

В июне 2017 г. Катар неожиданно оказался в центре сенсационных новостей глобального масштаба. В то время как в последнее десятилетие руководство страны активно стремились привлечь внимание международных СМИ посредством своей знаменитой политики “мягкой силы” и кампаний продвижения бренда, оказавшиеся на первых полосах изданий новости о региональной блокаде Катара со стороны его партнеров по Совету сотрудничества государств Залива стали для Дохи отнюдь не желательным информационным поводом. Отношения в регионе Залива [не отличались устойчивостью на протяжении длительного времени](#), однако в данном случае возглавляемая Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) коалиция, к которой примкнули Бахрейн, Египет, Ливия и Мальдивы, вообще разорвала с Катаром дипломатические связи и отрезала его от жизненно важных воздушных, морских и наземных путей сообщения. Созданная вскоре после лестного для Саудовской Аравии президентского визита Дональда Трампа (в ходе которого региональные разногласия быстро всплыли на поверхность), коалиция, по-видимому, получила повод выказать свое жесткое отношение к терроризму и попытаться завоевать поддержку нового американского президента. Конечно, мгновенный ответ Трампа в Твиттере, противоречивший давней поддержке Соединенными Штатами Катара, [придал обоснование](#) предпринятой коалицией блокаде: “Во время моего недавнего визита на Ближний Восток я заявил, что финансирование радикальной идеологии должно быть прекращено. Лидеры указали на Катар - смотрите!” Как позже [сообщила](#) “Вашингтон пост”, вся эта история берет свое начало в публикациях из других электронных СМИ: ОАЭ похоже взяла пример с «фейковых новостей» Трампа, организовав взлом катарских правительственных сайтов для того, чтобы разместить на них провокационные материалы (включая цитаты, в которых эмир якобы выразил свою поддержку Ирану и ХАМАСу, подлинность которых Катаром отрицается).

Блокада, которая [далека от завершения](#), оказалась для Катара колоссальным экономическим ударом. Более того, она стала серьезным вызовом амбициозному катарскому имиджевому проекту, что мгновенно осознали руководители авторитарных стран Центральной Азии. Руководство многих постсоветских государств осуществляет ту или иную разновидность «многовекторной внешней политики», что делается, в основном, для того, чтобы избежать монополии российской политической и экономической повестки. Катарская королевская семья испытывает сходное беспокойство относительно потенциального вызова своему суверенитету со стороны гораздо более крупных региональных соседей и придерживается той же стратегии как можно большего расширения международных связей, что и подход, наблюдаемый в странах Центральной Азии.

Данная стратегия включает в себя широко освещаемые усилия представить страну в качестве образцового государства региона с прогрессивной и кооперативной внешнеполитической повесткой, ролью посредника в региональных и международных конфликтах, экономического центра Залива, элитного образовательного центра и покровителя спорта и культуры. Все это направлено на переформатирование представлений о том, что означает быть «современным» на Ближнем Востоке.

Подобно своим партнерам в Евразии, катарцы предпринимают все эти разнообразные усилия по продвижению бренда на международном уровне отчасти для получения экономических выгод в сочетании с изрядной долей эгоизма. В то же время, предполагается, что эти усилия дадут общий кумулятивный эффект: утверждение государства как легитимного актора глобальной политики и как страны, союзники которой быстро сплотились бы для защиты катарского суверенитета от территориальных угроз. Однако вопреки подразумеваемому допущению о том, что такого рода угрозы будут прежде всего связаны со вторжением, инициаторы региональной блокады продемонстрировали эффект атаки на международный имидж Катара, изображая страну в качестве реакционной силы в регионе, действующего через свое новостное агентство «Аль-Джазира» источника нестабильности и злонамеренного спонсора терроризма. [Развитие катарской темы в окопах информационной онлайн-войны](#), управляемое лоббистскими и PR-компаниями, иллюстрирует ограниченную эффективность подхода “мягкой силы” в плане трансформации интенсивно медируемого мира слов в конкретные действия, способные положить конец блокаде Катара. Центрально-азиатские элиты могут по-прежнему оставаться разочарованными в своих надеждах на катарские инвестиции в экономику своих стран. Однако урок, предостерегающий от слишком большой слепой веры в действенность своей политики многовекторности, может оказаться одной из наиболее ценных вещей, которые маленькое государство Залива может дать центрально-азиатским лидерам в ближайшей перспективе.